

1

Вдруг бац! И темнота

— Не хочу идти на математику, — зевнув, сказал Ваня и подхватил портфель.

Но Олька Петухина осадила:

— А кто сбежит домой, тому два поставят.

Для внушительности Олька потрясла самодельной ведомостью, в которую она записывала прогулы и опоздания, чтобы потом отчитаться перед классной.

Два года назад Петухина перевелась из другой школы и сразу превратилась в старосту класса. Так удобно: всегда на виду и легко пробраться в любимчики. Правда, не со всеми учителями стратегия работала. Например,

с информатичкой отношения не ладились, хоть лопни. А уж от одноклассников Ольке за вредность и принципиальность доставалось постоянно. Да, она за справедливость: забыл учебник — учитель должен знать, опоздал — в ведомость. Это честно. Ничего, она всем покажет!

— Тощая ботаничка, — фыркали мальчишки.

Олька лишь поправляла большие круглые очки и с гордым видом отворачивалась.

— «Два поставят», — передразнил Ваня. — Я просто не люблю математику.

— Сейчас не математика, сейчас информатика, — напомнил ему Матвей.

— Опаньки. А я не взял.

Ваня вздохнул и поплёлся на урок. Он частенько забывал учебники, и мама его называла безответственным. Видимо, так и есть.

— А что нового могут сказать нам на этой информатике? Мы дома за компьютерами до ночи сидим, — прыснул Сашка Лопаткин.

Зря он это сказал. Матвей тут же включил режим «энциклопедия»:

— Хм, думаешь, всё знаешь? Ну скажи, когда, например, была зарегистрирована первая в СССР электронная вычислительная машина.

— Да откуда я знаю? У нас и не было своих, наверное. Ну, или году в десятом.

— Неа, в 1948 году.

— Да ладно? — искренне удивился Лопаткин.

— Да. Информатика. Уроки — это скучно, если нет связи с жизнью, — заметил Матвей и подкинул новый вопрос: — А вот знаешь, что такое спам?

— Да кто не знает? — хмыкнул Сашка.

— Многие. Давай на спор: после урока опрос проведём и поймём, кто знает, а кто нет?

— Так легко же, это массовая рас...

Матвей схватил его за рукав:

— Нет. Не туда думаешь. После уроков. Договорились?

— Ладно.

Матвей догнал Ивана. Они дружили с первого класса и даже были похожи: темноволосые, оба играли в танчики, мечтали стать программистами и ходили в качалку. Они не были заядлыми спортсменами, но игра «сколько раз сегодня отжал» занимала их больше года. Отличались мальчишки темпераментом: один флегматичный философ, второй заводной пофигист-интеллектуал.

Матвей сегодня щеголял в белом бомбере и чёрных джинсах, то и дело подмигивал девчонкам, а те хихикали, смущаясь нахального брюнета. По его голубым глазам пол-класса вздыхало.

— Ваня, я в раздевалку — ключи в кармане забыл, — толкнул он друга.

Ваня кивнул и почему-то глянул на стенд с фотографией класса. Его внешность бросалась в глаза — Ваня с детства был смуглым, у мамы до сих пор интересуются, где так загорел сын. Внешне — копия папы: те же карие глаза, черты лица, походка. Только чернявый. Говорят, в прадеда. Именно благодаря этой особенности его всегда и везде запоминали — не скрыться.

— А где мои ключи? — Ваня хлопнул по карманам брюк. — В толстовке? Нет. В рюкзаке?

Он пошарил среди учебников — пусто. Вот они, прелести свободной формы, — карманов полно, ничего не найдёшь. Видимо, из костюма не переложил. Сегодня экскурсия, вот и пришли кто во что горазд.

Ваня любил просторную и удобную одежду: толстовка побольше и поярче, брюки пошире и покарманистей, а лучше камуфляжные, кроссовки с амортизацией. Главное, талисман не забывать. Он всегда носил брелок со знаком бесконечности. И сегодняшнее красное худи украшал тот же знак. Ваня сам не знал, чем он его привлекает, но глазами исподволь всегда искал в окружающем лежащую восьмёрку. Но сейчас вместо восьмёрки он вдруг упёрся взглядом в птицу. Перед носом возник Сашка в нелепом свитшоте с огромным индюком во всю грудь.

— Нравится? — с надеждой спросил он.

Ваня пожал плечами.

— Неожиданно. Почему индюк?

— Какой индюк? — возмутился Лопаткин. — Это Жар-птица, тотем! Рисовали на заказ.

— Что это? — удивился Ваня. — Не похоже.

— Ваня, ты дурачка-то не включай, всё ты знаешь, — обиделся Лопаткин и плюхнулся за парту. Ему жуть как хотелось произвести впечатление, а тут почти индюком назвали. Тотемами Сашка не увлекался, просто узнал, что Жар-птица — символ его года рождения по славянскому календарю, вот и решил покрасоваться. Не вышло.

И почему его всерьёз не воспринимают в классе? Он покрутил широкий кожаный браслет на запястье, пытаясь успокоиться. Лопаткин так всегда делал, когда нервничал. С обратной стороны наручника был выбит маленький динозаврик. Сашка с детства интересовался динозаврами, знал всех наперечёт. Сейчас он не ребёнок, засмеют, поэтому свою любовь прятал от посторонних глаз. Хотел затмить птиц, не вышло. Всю жизнь ничего не выходит.

Ваня, топчась на месте и продолжая шарить по карманам в поисках ключа, пробормотал:

— Умел потерять, умей и найти.

Лопаткин, конечно, принял фразу на свой счёт и опять надулся. А потом поразмышлял и решил: он и правда потерял уважение. Или его и не было? Саша пригорюнился и поплёлся в коридор.

В этот момент в кабинет влетел Матвей и кинул удивлённому Ване связку ключей.

— Держи. В раздевалке нашёл, — хмыкнул он и приземлился рядом. — Там их несколько штук валялось. Кто-то с дверями забавлялся.

В доказательство он выудил свой ключ и показал царпину.

— Чего несколько? С какими дверями? — не понял Ваня.

— Связок ключей. Навытаскивал кто-то из карманов и в замочную скважину примерял. Малышня, наверное. Естественно, не подошли, всё и выбросили на пол.

— Бред какой-то, — Ваня насторожился, и, кажется, не зря.

— Вань, может, уйдём сегодня с экскурсии? — перевёл разговор Матвей, вспоминая, что после уроков у них классный час, посвящённый истории района.

— Как-то рисковно уходить. Кстати, говорят, на месте школы раньше аэродром был. Военный. Ты знал?

— Неа, — удивился Матвей. — Серьёзно? И что, его асфальтом закатали и домиками заставили?

— Без понятия. Экскурсовод, наверное, знает.

«Хм, иногда история тоже бывает интересной», — друг вскинул брови, но ответить не успел.

— Маргоша идёт! — крикнул Сашка и рванул за парту, сбив с ног одноклассницу. Та грохнулась, ударилась о парту и всхлипнула от боли. Вечно этот Сашка толкается, а возмутиться — себе дороже.

В кабинет вплыла Маргарита Степановна, статная высокая женщина с неизменным пультом в руке. Несмотря на строгий вид, она не любила формальности и могла за просто поболтать и пошутить с учениками. Но сегодня кто-то растоптал настроение. Она кинула пульт на стол, прошлась по классу и раздала листочки для проверочной работы. Класс обречённо вздохнул.

Погода за окном дрогнула. Только что сквозь шторы в кабинет рвалось полуденное солнце, выманивая на улицу, но за считанные минуты навалились тучи и перекрыли дыхание. Хотелось распахнуть окно и выветрить напряжение. Олька, глянув исподлобья на информатичку, нервно дёрнула ворот, и от него тут же отлетела пуговица. Девочка ойкнула, но поднять не посмела.

— Это на весь урок? — выкрикнул Игорь. Он готов был хоть под ливень сбежать, только подальше от контрольной.

— На какой урок? Тут пара заданий, не больше десяти минут на всё про всё, — вздохнула учительница и завела таймер.

Ребята зашушукались и зашелестели листочками — невелика радость писать самостоятельную, хоть и у справедливого учителя. Кто-то напряг лоб, вспоминая материал, кто-то нервно откинул ручку, а Игорь, как заправский иллюзионист, извлёк из ниоткуда шпору и принялся самозабвенно списывать.

Вдруг раздался голос Петухиной:

— А некоторые шпаргалками пользуются! — Олька ткнула пальцем в одноклассника.

Учительница почему-то не среагировала, а одноклассники презрительно шикнули. Пришлось вымучивать контрольную под хмурыми взглядами.

Через десять минут Маргарита Степановна собрала листочки и велела читать новый параграф. А сама углубилась в проверку. Но ненадолго.

— Та-а-ак! — прогремел её голос. — То есть никто не учил? Я просмотрела половину работ: из них одна четвёрка, две тройки, остальные — двойки.

Ребята возмущённо загудели, а Матвей философски изрёк:

— Жизнь, как кубик Рубика: одну сторону собрал, на остальных — бардак. Всё не успеть.

— А у кого четвёрка? — икнув и поправив очки, решила уточнить Ольга.

Маргарита Степановна покосилась на отличницу и со вздохом ответила:

— У тебя, дорогуша.

Дорогуша фыркнула и отвернулась к окну. Не больно и нужна эта информатика, глупость, а не предмет. У неё по всем остальным пятёрки, этого достаточно. Но соорудить безразличие не получилось, губа дрогнула, коварная слеза мелькнула на щеке. Оле захотелось выскочить из кабинета, забраться в самый дальний угол — куда-нибудь за кадки с пальмами — и зареветь. За что её так? Почему Маргарита Степановна её не любит? Или ей кажется? Не кажется, не кажется. Четвёрка? Да и ладно. Но за что такое пренебрежение? Это больно. Обидно. Она ведь старается, учит. Даже выпросила у родителей новый компьютер.

Повторный окрик учительницы выдернул Ольку из терзаний.

— Думаете, если основная программа не началась, так можно не делать? — продолжила Маргарита Степановна. — Мой предмет нынче самый актуальный. Вы никто и никуда без информатики, — повысила она голос.

Обвела детей раздражённым взглядом и добавила:

— Хорошо, раз никто не готов, открываем предыдущую тему и учим. В конце урока выборочно спрошу.

— А мы за компьютеры когда-нибудь сядем? — выкрикнул Сашка, вальяжно развалясь за партой. — Или будем только ваши учебники читать?

— Думай, что говоришь! — взъелся Игорь и буркнул под нос: — Маргоша — золотой человек.

— Ты что себе позволяешь, Лопаткин? Встал. Подошёл ко мне. К директору, — отчеканила Маргарита Степановна. — Остальные учат.

— Нда, наш Саня свободно разговаривает на русском, английском и на других уроках тоже не заткнуть, — буркнул Матвей. — Опять на рожон лезет.

Поникший Лопаткин вместе с Маргаритой Степановной скрылись за дверью, остальные отбросили книги. Кто же будет заглядывать в учебник, если учителя нет в классе? Никто. Есть занятия поинтересней. Из угла кабинета полетел бумажный самолётик с запиской. Кто-то крикнул:

— Лови!

Но никто не обратил внимания — телефоны моментально проглотили одноклассников.

— Какие все скучные, — фыркнул тот же голос.

Снова никакой реакции, лишь телефоны в руках. И только староста усердно штудировала параграф — кому-то ведь придётся отвечать.

Но отвечать не пришлось. Сашку продержали у директора до самого звонка, вернулся он злой, как доберман, которому аппетитной косточкой дали по голове вместо угощения. Он запнулся, налетел на тихого Костика, в отместку пихнул его в бок, словно Костик виноват, выхватил у него ручку и зачем-то переломил.

— Лопаткин, — окликнул одноклассника Ваня, — а ну извинись. И ручку свою дай Косте.

— Иди ты! — огрызнулся тот и выскочил из кабинета, прихватив рюкзак.

— Я-то пойду, а ты извинись, — ответил упрямый Ваня, догоняя одноклассника на площадке.

Сашка резко развернулся и ошетинился:

— Ты ничего не попутал?

Хрясь, и в плечо! Иван покачнулся, но лямка рюкзака поймала перила и удержала. Тут следом выскочили одноклассники и ребятня из начальной школы, какой-то малец налетел на Ваню, тот на Сашку, они сцепились и покатались вниз по лестнице. А-а-а-а! В пролёте задела угол, мягко приземляясь на портфели, но Сашке показалось, что Ваня его ударил, он дал сдачу, и опять покатались вниз. Вдруг бац! Удар. Темнота.

«Сотрясение и обморок?» — мелькнуло в голове у Вани, и всё померкло.